

ДРУЖБА с ПРИЗРАКОМ

Гилберт Форд

Фэнтэзи для подростков

Гилберт Форд

Дружба с призраком

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Форд Г.

Дружба с призраком / Г. Форд — «Эксмо», 2020 — (Фэнтези для подростков)

ISBN 978-5-04-168852-3

Мария живёт с мамой в старенькой квартире в Нью-Йорке, а спит в шкафу для одежды. Ее мама, мадам Дестин, называет себя медиумом, но на самом деле она мошенница. И Мария вынуждена ей помогать. Но у девочки есть секрет: в детстве она дружила с настоящим призраком по имени Эдвард! Потом она выросла, и призрак перестал появляться. Но вот однажды к мадам Дестин пришла таинственная посетительница, миссис Фишер, и Эдвард вернулся! Он говорит, что Марии следует найти сокровище, о котором спрашивала миссис Фишер, потому что оно способно изменить жизнь девочки! Но хватит ли у неё сил противостоять мадам Дестин, которая, может быть, и не мама ей вовсе?..

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-168852-3

© Форд Г., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Визит духов	7
Вызвать мертвеца	12
Эдвард	16
Беспокойный дух	24
Вернувшаяся клиентка	30
Погоня за вдовой	35
Исчезнувшая эпоха	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Гилберт Форд

Дружба с призраком

Моему отцу и деду, в честь которого меня назвали

Gilbert Ford
THE MYSTERIOUS MESSENGER

Copyright © 2020 by Gilbert Ford
This edition is published by arrangement with HG
Literary and The Van Lear Agency LLC

© Мольков К.И., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Визит духов

– Дух покойного Роберта Фишера, – прошептала мать Марии за стенкой. – Я призываю тебя занять место за этим столом. Призываю от имени твоей любимой жены, которую ты оставил много лет назад.

В примыкавшей к материнской спальне гардеробной, которую правильнее было бы назвать кладовкой, было жарко и душно, пахло висевшими в ней затхлыми, старыми меховыми шубами. Войти в эту то ли кладовку, то ли большой шкаф можно было только из материнской спальни, а задняя стенка кладовки выходила в гостиную, и в ней, прямо над плинтусом, имелось вентиляционное отверстие, сквозь которое можно было следить за тем, что делается в гостиной. Эта кладовка, кстати, служила спальней для сидевшей здесь Марии, которая, поёрзав немного на своём брошенном прямо на пол матрасе, откинула упавшие ей на лицо волнистые пряди и снова прилипла к прорезям вентиляционной решётки.

А там, в гостиной, тускло светила одинокая зажжённая свеча, и от жёлтого язычка её пламени полумрак в комнате казался ещё более глубоким и зловещим. Заодно, кстати, не было заметно, какой пыльной и неухоженной была эта гостиная с тёмно-красными обоями. Лучше всего в свете свечи сейчас был виден тюрбан на голове матери и её тонкие, приподнятые над лежащим на карточном столике хрустальным шаром, руки. Напротив неё сидела пожилая женщина в очках и с такими седыми, серебряными прямо волосами, что они, казалось, светились изнутри.

– Я, мадам Фортуна Руссо, заклинаю тебя, дух Роберта Фишера, – продолжала монотонно и распевно говорить мать Марии, – явись ко мне!

Затем она закрыла глаза, изображая, что погрузилась в транс. Какое-то время тишину нарушало лишь шуршание попугая, перебиравшего лапками, сидя на плече у ясновидящей.

Затем мадам Фортуна внезапно открыла глаза, резко ударила кулаком по столику и вскрикнула:

– Явись! Вселись в меня и заговори со своей дорогой Мэрилин!

Свой посильный вклад в начавшуюся суматоху внёс и попугай – заклекотал, запрыгал на плече хозяйки, замахал крыльями, и на двух сидящих за столом женщин полетели перья.

Мадам Фортуна закатила глаза, задёргалась всем телом – загремели, зазвенели браслеты на её тонких бледных запястьях.

Мария в своей кладовке отпрянула от решётки. Несмотря на то что за одиннадцать лет своей жизни ей уже множество раз доводилось участвовать в подобных спектаклях, она всегда продолжала опасаться, что что-нибудь может пойти не так. Мария нащупала выключатель стоявшего у неё за спиной вентилятора и осторожно нажала кнопку.

«Ну, теперь смотри, не подведи!» – мысленно скомандовала она самой себе.

Лопасты вентилятора беззвучно вращались, набирали обороты, по спине Марии побежал холодок. Затем, уловив нужный момент, она резко пригнулась. Сильный поток воздуха хлынул сквозь отверстия решётки в гостиную, и сразу ожили, завели свою печальную потустороннюю песню развешанные в темноте колокольчики, зашевелились серебряные волосы на голове сидевшей перед мадам Фортуной старой леди. Тревожно загудели, защёлкали батареи центрального отопления, где-то в глубине дома послышались тихие замогильные стоны.

Мадам Фортуна продолжала дёргаться перед потрясённой пожилой женщиной, тень ясновидящей танцевала на плотных бархатных шторах, надёжно закрывавших комнату от солнечных лучей.

Потом мадам Фортуна вдруг снова замерла – так же неожиданно, как задёргалась перед этим. Тихо простонала, склонилась над столиком, а в конце с глухим стуком уронила свою голову рядом с хрустальным шаром.

Взлетевший с плеча хозяйки попугай захлопал крыльями и опустил на её тюрбан.

Мария выключила вентилятор и вновь прильнула к отверстию в решётке, ловя сигнал, который должна была подать ей мать.

– Мадам Фортуна? – вытягивая шею над неподвижно лежащим телом медиума, спросила миссис Фишер. – С вами всё в порядке?

Мария закатила глаза. Бывают же такие легковверные люди, как эта миссис Фишер! А может, она просто... как бы это сказать... глуповата? Дальнейший сценарий был хорошо известен Марии, если он и менялся, то только в самых незначительных деталях. Очень скоро обручальное кольцо безутешной вдовы Фишер превратится в деньги, на которые они все, включая попугая, будут кормиться вплоть до появления следующего клиента. Точнее, клиентки, потому что к ним, как правило, обращаются именно женщины. Вдовы.

Миссис Фишер тем временем поводила взглядом по сторонам, затем схватила со стола свою сумочку, вскочила было со складного стула, на котором сидела, и тут...

– Мэрилин, – глухо произнёс лишённый интонаций потусторонний голос.

Старая вдова замерла на месте, схватившись за сердце.

Мадам Фортуна медленно оторвала голову от стола, подняла её, показав своё бледное лицо с плотно сомкнутыми веками.

– Мэрилин, – повторила она всё тем же загробным голосом. – Мэ-э-э-рилин-н-н...

Миссис Фишер откинулась на спинку стула, с которого так и не успела подняться.

– Роберт? – робко спросила она. – Это ты, Роберт? Это действительно ты?

– Как я скучаю по тебе, Мэрилин, – сказала мадам Фортуна.

– И я, и я, – ответила миссис Фишер. – Двадцать лет прошло, но не проходило и дня, чтобы я не думала о тебе. Не вспоминала...

– Милая, милая моя Мэрилин, – сказала мать Марии, приоткрывая один глаз. – Я так скучаю по миру живых. И мне здесь так холодно без тебя, так холодно, холодно...

– Робби, мой Робби! Не печалься, я вскоре присоединюсь к тебе, я уверена в этом!.. – пролепетала миссис Фишер.

– Но!.. – быстро оборвала её мадам Фортуна. – Но есть одна вещь, которую ты должна сделать, прежде чем присоединишься ко мне. Мне необходимо, чтобы ты это сделала.

– Я сделаю для тебя всё, что хочешь, мой милый, – прошептала вдова. – Только скажи, что именно...

Взгляд мадам Фортуны словно ненароком скользнул по большому золотому кольцу с бриллиантом, блестящему на пальце миссис Фишер.

– Ах, Мэрилин, – вздохнула ясновидящая, запрокидывая голову. – С тех пор, когда мы были ещё вместе, прошло двадцать лет. Двадцать! Скажи, ты всё ещё носишь обручальное кольцо, которое я надел тебе на палец в тот день, когда мы с тобой поклялись в верности друг другу?

Миссис Фишер взглянула на свою руку и ответила, сделав попытку улыбнуться.

– Да, я всё ещё с гордостью ношу его, любовь моя. Я была и всегда буду твоей девушкой, и только твоей... Робби.

Подбородок вдовы задрожал от едва сдерживаемых слёз.

Мария оторвалась от решётки, откинулась на расстеленном по полу кладовки матрасе, положила голову на свою выдавшую виды подушку и, опершись о стену обутыми в кроссовки ногами, беззвучно начала повторять слова, которые её мать произносила сейчас вслух там, за стенкой, в гостиной.

– Мэрилин, прежде чем присоединиться ко мне в потустороннем мире, ты должна избавиться от всего лишнего, что удерживает тебя здесь, в мире живых.

И Мария сделала повелительный жест рукой с широко растопыренными пальцами.

В гостиной мадам Фортуна этот жест в точности повторила, а вот Мария при этом задела шубу, которая рухнула ей на голову. Мария оттолкнула в сторону проеденную молью рухлядь и поднялась на ноги. Взяла свалившуюся на её серое одеяло шубу и на цыпочках обошла вокруг матраса, то и дело наступая на разбросанные по полу ручки, бумагу и библиотечные книги.

– Ой! – тихонько пискнула Мария, ударившись головой об электрическую лампочку на шнуре. Остановила её, а затем вернула материнскую шубу на вешалку. Почти половину кладовки занимал направленный в отверстие решётки вентилятор, который приходилось огибать с осторожностью, чтобы не повалить его. Грохоту тогда не оберёшься.

– Я прошу тебя пожертвовать твоё кольцо, символ нашей с тобой любви и счастливого брака, Бруклинскому городскому молодёжному проекту «Инициатива на завтра», – произнёс в соседней комнате глубокий голос мадам Фортуны.

– Завтр-ра! Завтр-ра! – раскатисто крикнул попугай.

– Замолчи, Гудини! – прикрикнула на него хозяйка.

Миссис Фишер могла бы, наверное, удивиться, с какой вдруг стати её покойный муж желает, чтобы она пожертвовала своё обручальное кольцо какому-то молодёжному проекту, но у мадам Фортуны всё было продумано заранее, и этот момент тоже.

– В нашем браке не было детей, – прежним потусторонним голосом произнесла мадам Фортуна. – И это единственное, о чём я жалею.

– Но, милый, ты же всегда ненавидел детей, – робко возразила миссис Фишер. – И мы не раз говорили с тобой об этом.

– А теперь это самая большая моя печаль, – ответила мадам Фортуна. Как показалось Марии, слишком быстро и слишком резко ответила.

– Ну что ж, – после небольшой заминки послышался голос миссис Фишер. – Полагаю, что я смогу выписать чек, только сначала проверю, что это за организация такая.

– Нет! – грохнула кулаком по столу мадам Фортуна. – Это должно быть именно твоё кольцо. И отдать ты его должна именно в эту организацию.

Вновь защёлкали батареи и зазвучали замогильные стоны, но произошло это чуть раньше, чем был подан сигнал.

– Опять вы в своём репертуаре, мистер Фокс! – пробормотала себе под нос Мария. Она резко сорвалась с матраса, на котором лежала, и сразу на полную мощность врубила вентиля-

тор. Замерцал огонёк свечи в гостиной, ожили призрачные колокольчики, к ним добавился перезвон материнских браслетов. Затем послышался глухой стук, с которым вновь упала на стол голова медиума, Мария выключила вентилятор и откинулась на свой матрас.

Сеанс окончился, и в доме наступила тишина.

Мария закрыла глаза и постаралась выбросить из головы все мысли о своей матери, её афере и о мистере Фоксе, в очередной раз поспешившем со своими щелчками и стонами. О том, что все они втроём только что обманули несчастную вдову Фишер, Мария тоже старалась не думать. Даже на ноющую боль в животе она старалась внимания не обращать, хотя сделать это было сложнее всего. Почему сложнее всего? Да просто потому, что последний раз Мария ела двадцать четыре часа назад. Ровно сутки.

Очистив голову абсолютно от всех мыслей, Мария неподвижно замерла, и вскоре почувствовала, как тихонько-тихонько у неё начали покалывать иголки в кончиках пальцев. Точно так же начинает щипать нанесённая на потрескавшиеся губы мазь или первое прикосновение мятной жвачки к языку. Затем Мария ощутила *его* освежающее, вселяющее уверенность прикосновение к своей руке. Нет, своими глазами видеть *его* она не могла, однако знала, что сейчас он с нею.

– Это ты, Эдвард? – улыбнулась Мария. – Скажи, что ты думаешь о миссис Фишер? Ты видел её покойного мужа?

Мария отодвинула в сторону свою взятую в библиотеке книгу – это был роман «Искатели» Марджери Шарп – положила под свою правую руку чистый лист бумаги и взяла в пальцы шариковую ручку. Невидимая прохладная рука Эдварда легла на её ладонь и осторожно принялась водить ею, выписывая на бумаге оказавшийся очень странным ответ.

«Возможно, миссис Фишер слишком глупа, чтобы во всё это поверить, но её сердце гораздо мудрее и добрее, чем кажется».

Вызвать мертвеца

Минут через десять за миссис Фишер с грохотом захлопнулась входная дверь, затем, пока Мария выходила из своего транса, прозвучали тяжёлые шаги по полу, скрипнула дверь кладовки, и в открывшийся проём хлынул дневной солнечный свет.

– Джон опять лопухнулся, – сказала мадам Фортуна. Она смахнула сидевшего у неё на плече попугая и со скрежетом сдвинула в сторону вешалки с шубами. Вылезла из своей поношенной норковой накидки и небрежно швырнула её на матрас, на котором сидела Мария. Надетое на мадам Фортуне платье с оборками было, возможно, последним пискком моды где-нибудь в далёкие двадцатые годы, но сейчас, спустя почти сотню пролетевших с той поры лет, оно выглядело, мягко говоря, нелепо. И к тому же местами было изрядно протёрто, местами чем-то закапано, а местами проедено молью.

– Ну что, клюнула она на приманку? – спросила Мария, имея в виду миссис Фишер.

– Рано пока об этом говорить, – пожалала плечами мадам Фортуна.

– Я сделала всё, как мы репетировали. Мистер Фокс слишком рано начал стучать по трубам, но я всё равно тут же включила вентилятор...

– Да, да, – нетерпеливо отмахнулась от Марии мадам Фортуна. Она оттолкнула её в сторону, сняла с вешалки другую меховую накидку – чёрную на сей раз – и набросила её на себя. На плечо хозяйки немедленно взгромоздился Гудини, и теперь мадам Фортуна в ярко освещённой комнате стала напоминать вырезанную из чёрной бумаги фигурку пирата с попугаем на плече. – Но эта женщина, я надеюсь, поверила нам. И если она действительно любила своего мужа, то сделает всё, как ей сказали.

Мария подумала о старой вдове.

Миссис Фишер показалась ей доброй и готовой сделать ради своего мужа буквально всё, что угодно. Добросердечные люди чаще всего бывают именно такими, легковерными. Доверчивыми слишком. Но что-то не давало Марии покоя, и вскоре она поняла, что это слова Эдварда о том, что у миссис Фишер *«сердце гораздо мудрее и добрее, чем кажется»*.

– Но... – нерешительно, дрожащим голосом начала Мария. – Но не кажется ли тебе, что мы поступаем... *неправильно?*

Мадам Фортуна повернулась и застыла на месте, изучая дочь прищуренными глазами.

– Вот что, моя милая и заботливая Мария, – ответила она. – Разве я не повторяла тебе тысячу раз, что нет ничего правильного или неправильного, но есть только...

– Удобный случай, – закончили в унисон мать и дочь. Мадам Фортуна произнесла это с удовольствием, со смаком, можно сказать, а Мария тихо прошептала себе под нос.

– *Удобный слу-учай! Удобный слу-учай!* – передразнил их попугай.

– Заткнись, Гудини, – сказала мадам Фортуна, зажимая двумя пальцами клюв попугая. Он обиженно замолчал, вырвался и недовольными шажками спустился с плеча ниже по руке хозяйки.

Мария, в свою очередь, проскользнула мимо матери в её спальню – светлую, большую, с громадной кроватью и таких же королевских размеров комодом. Все стены спальни были увешаны пожелтевшими от времени газетными вырезками. Нет-нет, не статьи из разряда «Хозяйке на заметку» были это, и не кулинарные рецепты, а некрологи. На все вырезки четырёх стен не хватало, поэтому целые стопки таких же некрологов теснились на столе, и их края сейчас слегка ворошил лёгкий ветерок.

– Кроме того, у этой старой лоханки всё равно никого из родственников не осталось, – добавила мадам Фортуна, вручая Марии метлу. – Так что унесёт она это кольцо с собой в могилу, откуда его выкрадет какой-нибудь пройдоха. Нет уж, пусть лучше я сама первой в этой очереди за кольцом буду. Всё, а теперь ступай на кухню, прибраться.

Тут на сцене появился новый персонаж – высокий худой мужчина с мрачным лицом, одетый в чёрную водолазку. На голове у него криво сидела кепка с длинным козырьком – такие кепки почему-то любят репортёры-газетчики. Может быть, потому, что под таким козырьком рассмотреть выражение их глаз невозможно?

– В этом подвале ни черта не слышно! – хмуря брови, заявил он с места в карьер. – Я стучу, я завываю, как договаривались, но ни одной твоей реплики не слышу, хоть ты лопни!

– Ты сегодня слишком рано вступил, Джон, – смерила его суровым взглядом мадам Фортуна.

– Ладно, в следующий раз постараюсь лучше, – буркнул мистер Фокс.

– Вот-вот, постарайся. Уши себе прочисть, – сварливо процедила мадам Фортуна, а Мария миролюбиво поспешила добавить:

– Да всё ничего, мистер Фокс, всё ничего. Мне удалось вовремя включить вентилятор, так что она ничего не заподозрила.

– Ну а наживку-то она заглотила? – поинтересовался Джон Фокс, потирая свой подбородок.

– Заглотила, – усмехнулась мадам Фортуна. – Но, скорее всего, захочет проверить организацию, чтобы убедиться, всё ли там законно. Ты веб-сайт закончил?

– А как же! Всю ночь его лепил. Вот, сама можешь посмотреть – красота!

Мистер Фокс достал свой мобильник, что-то напечатал на нём и протянул его мадам Фортуне. Та выхватила телефон у него из рук, взглянула мельком и тут же отрицательно покачала головой.

– Нет, это должно быть похоже на визитную карточку. Иначе кто захочет поддерживать организацию, которая не выглядит законной?

– Понял, капитан! – отдал честь мистер Фокс. – Сделаем под визитку!

Мария потянула мистера Фокса за водолазку, порылась в кармане своих затёртых синих джинсов и сказала, выудив из их кармана визитную карточку.

– Вот, могу предложить как образец.

На помятой визитке было напечатано:

Мистер Бенджамин Эдмонд Фактор
Бруклинский городской молодёжный проект «Дарим детям радость»
718-555-5555
www.buyit.org

– Мне не нужна твоя помощь! – выбил визитку у неё из рук мистер Фокс. – Сами, без детей разберёмся! Ступай в свой шкаф и сиди там!

– Простите, мистер Фокс, – ответила Мария, изо всех стараясь сдержать дрожь в голосе. – Но одновременно в двух местах я находиться не могу. Сейчас я должна на кухне подметать, так что быть при этом в своей комнате у меня никак не получится.

Она прихватила со стола свою библиотечную книгу, крепче сжала ручку метлы и проскользнула за спину матери.

– Не нравится мне, что твоя девчонка так много читает, – скривил губы мистер Фокс, провожая Марию недобрым взглядом. – Ум, он, знаешь ли, до добра не доводит.

– Заткнись, Джон, – сказала мадам Фортуна, поправляя тюрбан у себя на голове. – Пусть читает, и тогда у моей маленькой девочки будут такие же светлые мозги, как у её мамочки. Когда-нибудь ты станешь новой мадам Фортуной, слышишь, Мария? Такой же, как я и как твоя покойная бабушка до меня.

Мария попыталась представить себя в тяжелом материнском тюрбане и её меховой накидке, от которой несёт плесенью, и... не смогла. Хотя Мария с малых лет промышляла мошенничеством и другой жизни, собственно говоря, не знала, ей всё-таки думалось, что рано

или поздно она сумеет найти для себя какое-нибудь другое занятие, лучше, чем обманывать доверчивых простофиль. В идеале – такое, чтобы можно было не дурачить людей, а реально помогать им, как это делали её любимые герои в книгах.

Мария подняла глаза, чтобы взглянуть на знакомый до последней мелочи плакат на стене. Бабушка на нём была изображена в виде кроткой, ласковой на вид седой старушки с очень пронизательными, слегка усталыми глазами. Надпись на плакате извещала о том, что это «*Мадам Фортуна, величайший в мире медиум, обладательница редчайшего дара вызывать духов*». В жизни такой кроткой и благочестивой бабушка и близко не была.

Мадам Фортуна уже подталкивала Марию в направлении кухни, но девочка никак не могла оторвать глаз от бабушкиного портрета. От бабушки Мария унаследовала большие карие глаза и мягкий овал лица, но только ли это?

– Скажи, мам, а это правда, что бабушка *действительно* могла общаться с духами умерших? – спросила она. – В газетах писали, что она была настоящей ясновидящей. *Настоящей*...

– Что за чушь, Мария! – воскликнула мадам Фортуна, продолжая подталкивать дочь в сторону кухонной двери. – Сколько раз тебе можно повторять, что нет никаких духов, призраков и прочей потусторонней чепухи. Тот, кто верит в это, простофиля и недоумок. Дурак!

– *Дур-рак! Дур-рак!* – с удовольствием подхватил Гудини. Ему всегда очень нравились слова, в которых есть буква «р».

– Заткнись! – прикрикнула на бедную птицу мадам Фортуна. Гудини обиженно потупился и распушил перья.

– Но что, если это на самом деле так?.. – начала было Мария.

– Нет, детка, нет! – оборвала её мать. – Хотя твоя бабушка никогда со мной своими секретами не делилась, я по своему собственному опыту могу сказать, и ты уж мне поверь, что вызвать мертвеца – работа непростая. Тяжёлая работа. Для этого, конечно, приходится магию использовать, но довольно своеобразную. Наша магия опирается на смекалку, чутьё и хитроумные исследования. Только так можно заглянуть в прошлое и вызвать дух мертвеца, только так. Да собственно, что я говорю? Разве ты сама ещё не научилась библиотекой пользоваться?

Мария прошла на кухню, положила книгу, начала подметать пол. Мать пришла следом, явно не желая заканчивать разговор с дочерью вот так, на полуслове.

– Да пользуюсь я библиотекой, мам, пользуюсь! Хожу туда, беру книги, читаю то, что мне хочется, – сказала Мария.

– Что *хочется!* – усмехнулась мадам Фортуна. – Если читать романы и прочую белиберду, то это просто пустая трата времени. Тебе факты нужны, факты, понимаешь? Факты, которые можно использовать в своих интересах. Ты должна изучать хронику, родословную семей, вырезать из газет некрологи, составлять списки тех, кто ещё жив. Наши с тобой клиенты – это вдовы. Одинокие, доживающие свой век вдовы. Только они представляют для нас настоящий интерес. Только они.

– Ладно, ладно, – пробормотала Мария. Она прислонила свою метлу к разделочному столу и принялась наполнять водой раковину.

– Вот и хорошо. Приберись здесь, а мы с Джоном отправимся раздобыть что-нибудь на ужин.

Затем мадам Фортуна взяла мистера Фокса под руку, и они вместе покинули квартиру, оставив Марию в одиночестве размышлять о мире духов, библиотеках, художественной литературе и фактах, которые необходимо собирать и накапливать.

Эдвард

Мария скребла газовую плиту железной мочалкой, пальцы у неё были испачканы розовым жидким мылом и грязью. После ухода матери с мистером Фоксом прошло много времени, пол Мария уже вымыла, но прекращать уборку до их возвращения она не спешила, не хотела, чтобы они сказали, что она бездельничает.

И она продолжала орудовать железной мочалкой до тех пор, пока не почувствовала лёгкое пощипывание в затылке. Потом кончики пальцев начало пощипывать, и дальше, дальше, вверх по руке, потом по всему телу...

Марии очень нравилось это ощущение.

– Эдвард, ты здесь, я знаю, – с улыбкой сказала она, обращаясь к пустой кухне. То, что у неё грязные руки, Марию не смущало, даже напротив. В присутствии Эдварда она всегда чувствовала себя Золушкой, которой, как известно, не было написано на роду до самой смерти только мыть полы и прибираться в доме. Нет, уборка и мошенничество для неё дело временное, зато потом...

Мария швырнула железную мочалку в раковину, наскоро вытерла руки и снова сказала в пустоту:

– Почему бы тебе не рассказать мне о миссис Фишер и её покойном муже, а? – она улыбнулась, придвинула к столу пластиковый стул и уселась на него. – Ну вот, я почти готова.

Ей очень, очень нравилось слушать истории об усопших. Это было так же интересно, как хорошая книга. Ну, или *почти* так же интересно. Что же касается мужа миссис Фишер, то она постоянно думала сегодня о нём с самого начала сеанса «ясновидения и магии».

Мария вытащила из-под пустой вазы для фруктов чистый лист бумаги, положила его перед собой, зажала в кулаке ручку и опустила её на бумагу. Закрывает глаза, запрокинула голову, отбросила все посторонние мысли – последним из её сознания улетучился стук капель из подтекающего крана над раковиной и долетавшие с улицы случайные автомобильные гудки.

Всё стало тихо.

Всё стало так, как и должно быть.

Внезапно рука Марии дрогнула, сама собой поползла вверх, потом вниз, в сторону, всё быстрее и быстрее...

И вот уже на листе бумаге проступили первые написанные чётким красивым почерком слова.

Спустя какое-то время рука Марии перестала двигаться, шариковая ручка вывалилась у неё из пальцев и покатила по столу, а сама Мария очнулась, вышла из транса, ощущая тепло в кончиках пальцев.

Она взяла со стола исписанный лист бумаги и прочитала на нём:

«Бедная, оставшаяся без гроша, миссис Фишер будет тосковать по исчезнувшему с её пальца кольцу.»

Но спрятанное в её квартире сокровище останется при этом нетронутым.

Мистер Фишер надеется, что ты сможешь его жене найти то, чем она будет дорожить».

Марию сильно озадачило это сообщение, очень сильно. Обычно Эдвард сообщал ей сведения о мёртвых, которые противоречили тому фарсу, который разыгрывала перед их вдовами её мать, но просить о чём-то? Нет, покойники ещё никогда её ни о чём не просили.

Мария ещё раз перечитала записку – медленно и очень внимательно вникая в слова мистера Фишера. Ну, с кольцом и с тем, что миссис Фишер будет сильно огорчена, всё ясно. Но

дальше муж миссис Фишер говорит о спрятанном в её квартире сокровище. Эдвард знал, что Марии строго-настрого запрещено разговаривать с кем-либо, так почему же тогда он передал ей эту просьбу? Но если Эдвард просит о чём-то, это надо сделать. Во всяком случае, Эдварду Мария доверяла гораздо больше, чем своей собственной матери. А может быть, эта просьба была важна и для самой Марии?

– Ладно, – наморщив лоб, согласилась Мария. – Скажи мне, где искать это сокровище, Эдвард.

Она взяла чистый лист бумаги, ручку, вновь сосредоточилась, откинулась на спинку стула и вскоре почувствовала прикосновение Эдварда.

Зажатая в пальцах Марии ручка опять заскользила по бумаге, поползли новые строчки. Онемела от потустороннего холода ладонь. Дальше, дальше...

Бах!

Мария открыла глаза.

Ручка выпала у неё из пальцев и скатилась на пол.

Эдвард исчез, а в коридоре уже слышались шаги матери. Ах, как не вовремя она вернулась!

Мария быстро пробежала глазами то, что успел написать её рукой Эдвард.

«Сначала скажи ей:

Вспомни серебристый свет Луны и медовый месяц в июне...»

Странно. Она что, должна передать миссис Фишер любовную записку от её покойного мужа? Какая-то дешёвая мелодрама получается. Прямо-таки третьесортное индийское кино. Нет, если так пойдёт, у неё большие неприятности могут быть за то, что она связалась с миссис Фишер.

Шаги мадам Фортуны и мистера Фокса приближались, всё громче становилась слышна их перебранка на ходу.

Стараясь не впасть в панику, Мария сунула оба исписанных листа под пустую вазу для фруктов, плеснула немного мыльной воды на пол, схватила швабру...

Первой на кухню вошла мадам Фортуна с пластиковым пакетом в одной руке и банкой острого мексиканского соуса – сальсы – в другой.

– Всё ещё возишься? – проворчала она, кладя всё это на стол и принимаясь вскрывать банку. – У нас сегодня на ужин чипсы с сальсой.

Теперь на кухне появился и мистер Фокс с набитым кукурузными чипсами ртом. Его чёрная водолазка на груди и животе была густо усыпана прилипшими белыми крошками. Мадам Фортуна неприязненно взглянула на то, как он жуёт, и хмуро добавила:

– Или только один соус. Без чипсов.

Мария убрала в сторону свою швабру, зажгла газ, поставила на огонь металлический ковшик и вылила в него содержимое банки. Желудок Марии сразу громко заурчал, но она не стала даже пробовать сальсу, пока она не разогрелась. Вскоре густая овощная кашица захлюпала, начала пускать пузыри – можно приступать. На сальсу Мария уже не могла смотреть без отвращения, потому что кукурузными чипсами с этой подливкой она питалась... сколько уже – дня три? Больше? Когда же ей по-настоящему, наконец, поесть удастся, а, господи ты боже мой?

Вот для этого им и нужно было заполучить кольцо вдовы. Иначе она умрёт с голоду. Все они умрут.

– Как ты думаешь, скоро она позвонит? – спросила у матери Мария.

– Через день-два, я думаю, – рассеянно ответила та, просматривая лежащие на кухонном столе некрологи.

Мистер Фокс прикончил свой пакет с чипсами, с хрустом смял его и сказал, доставая мобильный телефон из своего кармана:

– Да нет, сегодня же вечером она позвонит, попомните мои слова.

Мария достала из шкафа три миски, разложила по ним сальсу – на каждого пришлось ровно по две ложки – и сказала:

– Прошу к столу.

Все трое уселись и принялись за горячую сальсу, не сводя при этом своих голодных глаз с молчащего телефона. И, словно откликнувшись на их немые мольбы, он вдруг зазвонил, заставив их вздрогнуть от неожиданности.

Мистер Фокс потянулся за мобильником и после небольшой задержки сказал в него:

– Э... Бруклинский молодёжный проект «Инициатива на завтра». У телефона Бенджамин. Слушаю вас.

Что ж, мистер Фокс сыграл свою роль очень даже неплохо, на это короткое время голос у него сделался мягким, интеллигентным. Даже Марию это впечатлило, и она утвердительно покивала головой, глядя на мать.

Но мадам Фортуна смотрела не на неё, а на мистера Фокса, и спросила одними губами.

– *Это она?*

Мистер Фокс показал в ответ поднятый большой палец и улыбнулся. Разговор продолжился, хотя матери и дочери слышно было только то, что говорил мистер Фокс.

– Да, мы принимаем пожертвования... Да, и ювелирные изделия тоже... Они будут выставлены на нашем ежегодном благотворительном аукционе... Да... В прошлом году нам удалось выручить на таком аукционе довольно значительную сумму, которая помогла нам в реализации наших проектов...

Мадам Фортуна удовлетворённо кивала, слушая ответы мистера Фокса. Мария эти слова слышала уже не впервые, мать много раз репетировала их при ней с мистером Фоксом. Мадам Фортуна легонько толкнула в бок свою дочку и тихо-тихо сказала ей:

– Если хочешь чего-нибудь добиться в этой жизни, Мария, никогда не заводи банковский счёт. Помни: только драгоценности или наличные. *Только!* А любая бумага – это след, по которому тебя можно вычислить и найти. Не оставляй следов.

Насчёт следов и банковских счетов Мария не очень хорошо поняла, но зато была на сто процентов уверена, что то кольцо с бриллиантом вскоре будет у них в руках. Так, собственно говоря, всегда – или почти всегда – бывало и раньше. Сначала, когда у них был ещё городской телефон, но не было мобильного, их семейный бизнес назывался «горячей линией связи с потусторонним миром». Потом настала пора сайта, на котором, прямо онлайн, оказывались «услуги лучших в мире астрологов и медиумов». За ним последовало агентство, предлагавшее «услуги ясновидящей для бизнесменов, собирающихся инвестировать свои деньги в рискованные проекты». И вот теперь что-то вроде линии связи безутешных вдов с духами их умерших супругов.

И надо сказать, что все эти «агентства» и «линии связи» до сих пор исправно кормили их.

Но вот теперь Эдвард неожиданно попросил её помочь миссис Фишер, женщине такой же нищей, собственно говоря, как и они сами. Конечно, Мария испытывала лёгкие – о, совсем лёгкие! – угрызения совести за то, что приняла участие в этом мошенничестве, но гораздо больше её занимал и волновал вопрос, *почему* Эдвард попросил её помочь именно *этой* вдове, а не какой-то другой. Что у них, до миссис Фишер подобных клиенток не было? Были, были...

Марии очень хотелось поступить *правильно*, но вот стоит ли такой благородный поступок того, чтобы умереть ради него с голоду? И Мария решила пойти на компромисс. Да, она поможет миссис Фишер отыскать её сокровище, но только после того, как они заполучат кольцо с бриллиантом. Принимать такие удобные для себя решения Мария научилась у своей матери, первой заповедью у которой было: «Ты мне – я тебе».

– А, так вы хотите поразмыслить над этим... – продолжал тем временем мистер Фокс. – Да, мы были бы весьма признательны вам за пожертвование... Благотворительный аукцион? Да, скоро... Как раз сейчас мы определяемся с датами... Думаю, что чем скорее, тем лучше... Да, вы можете занести его в мой офис на Эверли... Да-да, по адресу, который указан на сайте...

Всё правильно, в переулке. Возле гаражей... Вам нужен ещё день, чтобы всё обдумать? Ну, воля ваша, разумеется...

На этом мистер Фокс закончил разговор, отключился и воскликнул, грохнув кулаком по столу.

– Не купилась!

– Не купилась? – удивлённо переспросила мадам Фортуна. – Но у меня же всё было продумано, до последней мелочи.

– Ей, видите ли, нужен день, чтобы подумать, – проворчал мистер Фокс. Он нервно, в один приём, доел свою сальсу и раздражённо отодвинул пустую миску в сторону.

– Ты же понимаешь, что это означает, Фокс? – побледнела мадам Фортуна и тоже отодвинула свою миску. – Это означает одно из двух: либо она начнёт расследовать, что это за молодёжный проект такой, либо возвратится сюда, чтобы удостовериться в том, что *действительно* разговаривала со своим мужем. Проверку нам устроить.

– М-да, – сильнее обычного нахмурился мистер Фокс. – А тебе ещё что-нибудь о её покойном муженьке известно? Новенькое, то есть?

– Ничего я больше о нём не знаю! – звенящим от напряжения голосом воскликнула мадам Фортуна.

После этого на кухне повисла тишина. Тяжёлая, безысходная какая-то.

Мария знала, что должна передать миссис Фишер сообщение от её мужа, но как и когда это сделать? Ведь даже если вдова решит снова прийти к ним, это не означает, что у Марии будет шанс поговорить с нею. И вообще миссис Фишер может появиться как раз тогда, когда сама Мария будет в библиотеке. Ну а если?..

– Послушайте, – сказала Мария. – А может, вы позволите *мне* поговорить с ней?

Мадам Фортуна и мистер Фокс дружно повернули головы и уставились на Марию одинаковым взглядом – неподвижным и холодным, как у замороженной трески.

– А что, может быть, разговор с ребёнком действительно сможет растрогать эту старую кочерыжку и растопить её сердце? – задумчиво произнесла мадам Фортуна.

Мария небрежно пожала плечами. Она очень, очень старалась вести себя нормально, равнодушно даже, но внутри у неё всё кипело. Чтобы скрыть своё волнение, Мария встала из-за стола и начала относить грязную посуду в раковину.

– Что за чушь! – рявкнул тем временем мистер Фокс. – Видишь, Фортуна, какой умной твоя девчонка показать себя хочет? Говорил я тебе, что не доведут её до добра эти книжки, ох не доведут!

Мадам Фортуна прищурилась, а затем спросила, вытаскивая из-под вазы для фруктов исписанные листы бумаги.

– А это что ещё? *«Вспомни серебристый свет Луны и медовый месяц в июне»*... Что это за хрень, Мария?

Мария выронила из рук стеклянную миску, и она разлетелась на куски, упав на кафельный пол, а у самой Марии было такое чувство, будто у неё душа с телом рассталась. Она лихорадочно принялась искать какое-нибудь объяснение, но ничего не могла придумать, потому что все её мысли были сейчас об Эдварде. Точнее, о том, как сделать так, чтобы мать ничего о нём не узнала, не догадалась. Она легко могла представить, с какой энергией мадам Фортуна набросится на бедного Эдварда, чтобы выпытать с его помощью подробности о покойном муже своей очередной вдовы-клиентки. Или, не поверив дочери, решит, что Мария совсем свихнулась, и отправит её в сумасшедший дом. Нет-нет, только не то и не другое!

– Э... это... – осторожно, словно ступающий на минное поле сапёр, начала она. – Это кое-какие выписки, которые я делала в библиотеке.

Ах, до чего же ей не хватало сейчас присутствия Эдварда! Как успокоило бы Марию его холодное прикосновение, сколько сил придало бы ей, сколько уверенности!

– А на этой бумажке что написано? – пробежав глазами второй лист, спросила мадам Фортуна. – Про миссис Фишер... её кольцо... сокровище...?

– Сокр-ровище! Сокр-ровище! – радостно подхватил Гудини.

– Ты прав, мой дорогой, – погладила попугая по головке мадам Фортуна, и пропела: – *Сокро-о-овище!* – а затем резко оборвала свою арию и спросила: – Чей это почерк, Мария? Библиотекарши?

Мистер Фокс заглянул в листок через плечо мадам Фортуны и поскрёб себе макушку, не снимая своей кепки с длинным козырьком.

– Да, – тихо выдохнула Мария, собиравшая с пола осколки разбившейся стеклянной миски. – Она переписала это из какой-то книги и отдала мне. Я исследовала в библиотеке родословную Фишеров.

Мадам Фортуна поджала губы, отчего на её лице появились жёсткие, глубокие складки, идущие от уголков рта до кончика носа.

– Не юли, детка! Что это? Насчёт кольца? Может быть, ты кому-то проговорила о том, чем мы тут занимаемся?

– Да нет же! Никому ничего я не говорила, как мне было приказано. *Никому!* – из последних сил стараясь сохранять спокойствие, ответила Мария. – А то, что на той странице упоминалось кольцо, так это... это просто совпадение, вот и всё.

Мадам Фортуна пристально уставилась на дочь, но ничего не сказала. Затем в несколько раз сложила оба листа бумаги и спрятала их к себе в меховую накидку. Сделав это, она резко опустилась на стул и откинулась на его спинку. Гудини покачнулся у неё на плече, несколько раз переступил своими лапками и, наконец, восстановил равновесие.

А Мария в этот момент почувствовала долгожданное присутствие Эдварда. Дуновение ледящего ветерка, покалывание в кончиках пальцев позволили ей вновь почувствовать себя в безопасности. Она сделала глубокий вдох и сказала, расправляя плечи:

– А теперь, с вашего позволения, я пойду к себе. Читать.

Ни мадам Фортуна, ни мистер Фокс ничего на это не ответили, просто молча продолжали сверлить Марию в четыре глаза.

Мария развернулась и, стараясь двигаться как можно спокойнее, направилась в свою кладовку. Уходя, она не могла не думать о том, каких крупных неприятностей ей только что удалось избежать, но не ждут ли её впереди более серьёзные проблемы?

Беспокойный дух

На следующий день Мария отправилась по неровному, выщербленному тротуару в библиотеку. Это одноэтажное современное здание, втиснутое между двух четырёхэтажных викторианских монстров из тёмно-коричневого камня, напоминало усыновлённого пожилыми родителями ребёнка. Не вписывалась библиотека в окружающий городской пейзаж, никак не вписывалась – как, впрочем, и сама Мария. Однако войдя внутрь через двойные вращающиеся двери, Мария сразу почувствовала себя так, словно пришла в дом, где ей рады и где она будет в полной безопасности.

Хотя все книги в разделе детской литературы Мария уже успела прочитать, расставаться с ними она не спешила, как не торопятся расставаться со своими давними и добрыми друзьями.

Но сегодня Марии было не до трогательной встречи с детством, ей нужно было заметить следы, и для этого сделать так, чтобы её мать и мистер Фокс, бросившись проверять свои подозрения, убедились в том, что она *действительно* изучала родословную Фишеров. Прошлой ночью Мария почти не спала, переживая о похищенных матерью листах с записанными на них словами Эдварда. Стоит ли говорить о том, как счастлива она была вырваться сегодня из дома в библиотеку – единственное место, которое ей разрешалось посещать. Впрочем, Марии и сюда ходу не было бы, не возьмись мадам Фортуна обучать дочь на дому, не отдавая в школу. Но при таком раскладе в библиотеку её просто невозможно было не отпускать – должна же Мария где-то брать необходимые для учёбы – и не только! – книги.

Для начала она просмотрела некрологи, сделала несколько пометок. Потом вздохнула. Больше всего ей сейчас хотелось сбежать куда-нибудь от своей одинокой жизни, в которой нужно было обманывать наивных вдов. Мария сложила исписанный лист бумаги и осмотрелась вокруг. В библиотеке сейчас были одни только инвалиды-колясочники да монахини из соседнего монастыря, и никого из детей. Впрочем, нет, один мальчишка здесь всё же был, он шёл сейчас по галерее второго яруса, над головой Марии. Этого мальчишку Мария узнала сразу же по яркой красной бейсболке, которую он никогда не снимал. Ещё она помнила, что у этого мальчишки светло-коричневая кожа, белозубая приветливая улыбка, а ещё он очень любил читать. Как его зовут, Мария не знала, её мать запретила ей разговаривать с кем-либо, значит, и с этим мальчишкой тоже.

Своих книг дома у Марии не было. И телевизора не было, и музыки, и компьютера тоже. Да ничего у неё не было, если не считать листов чистой бумаги да пары шариковых ручек. Но когда Мария могла хоть ненадолго вырваться в библиотеку, она могла читать книги и с головой погружаться в жизнь других людей.

Она уже прочитала все книги Луи Сахара из серии «Школа на обочине», «Волшебный смех» Натали Ллойд и «Трижды повезло» Шейлы Тёрнейдж. Рука об руку с Кассом и Максом-Эрнестом расследовала загадочную организацию алхимиков «Полуночное солнце» в «Секретной серии» Боша. Вместе с Мэри она обнаруживала ключ к двери, ведущей в таинственный сад, описанный Фрэнсис Бернетт, и помогала Кайлу разгадывать шарады, чтобы выбраться из заколдованной библиотеки Великого Луиджи Лимончелло, придуманного Крисом Грабенстейном.

Мария глубже придвинулась к спинке своего стула, сдунула упавшую на лицо прядь волос.

– Как же я найду её, Эдвард? – спросила она, обращаясь отчасти к самой себе, отчасти к духу, который, как надеялась Мария, был где-то здесь, рядом, и мог слышать её. – Где мне искать миссис Фишер? Если ты здесь, подскажи, пожалуйста, что я должна сделать.

Сказав это, Мария оглянулась по сторонам – хотела убедиться, что за ней никто не наблюдает, но увидела только рыжеволосую мисс Мэдиган, библиотекаряшу.

Маленькая, худенькая как щепка, она расставляла на полках книги и явно была слишком занята, чтобы обращать внимание на то, что собирается делать Мария. Решив, что всё складывается удачно, Мария закрыла глаза, взяла шариковую ручку, приложила её к чистому листу бумаги и принялась ожидать появления Эдварда, который поможет понять, как ей быть дальше. Она ждала знакомого покалывания в затылке и кончиках пальцев, ждала, а затем...

– Что ты делаешь, Мария? – раздался голос мисс Мэдиган.

Мария судорожно вздохнула и медленно разлепила глаза, не в силах понять, сколько времени она просидела здесь. Несколько минут – а может, несколько часов?

Мисс Мэдиган стояла перед Марией не одна, рядом с нею был офицер полиции в чёрной униформе.

– Мы скоро закрываемся, – продолжила мисс Мэдиган. – Но я хочу, чтобы ты, перед тем как уйти, несколько минут поговорила с офицером О’Мэлли.

Полисмен? Пришёл, чтобы поговорить с нею? Зачем? О чём?

Мария стрельнула взглядом вокруг и увидела, что почти все посетители уже ушли. Тяжело слотнула, представив, что может начаться, если её мать узнает о том, что она разговаривала с полисменом. Да, но выбора-то у неё всё равно не было. Никакого выбора, совершенно.

– Да, хорошо, – сказала Мария.

У офицера О’Мэлли были густые кустистые брови и густые, довольно длинные каштановые волосы, вылезавшие на уши из-под форменной фуражки. Он ногой отодвинул стоявший у стола свободный стул и присел. Ноги О’Мэлли оказались такими длинными, что касались снизу столешницы, едва не приподнимая её. Усевшись, он наклонился вперёд и мягко, совершенно по-дружески спросил:

– Ну, как у тебя дома дела? Всё в порядке?

Этот тон не обманул Марию, она сразу поняла, что этот коп совершенно уверен в том, что не всё в порядке у неё дома. Ох уж эта неприметная рыжая лисичка мисс Мэдиган! Уже успела настучать на неё! А ведь такой лапочкой казалась, когда только поступила сюда на работу месяцев шесть назад. Сначала стала расспрашивать Марию, нравятся ли ей книги, которые она читает, затем начала подсказывать, советовать, что ещё прочитать. А спустя какое-то время пригласила Марию вступить в клуб книголюбов. Всё было прекрасно, но зачем же понадобилось мисс Мэдиган вмешиваться в личную жизнь Марии, совать нос в её семейные дела?

Разумеется, Мария понимала, что с копами нужно вести себя как можно спокойнее и на рожон ни в коем случае не лезть.

– Конечно, – ответила она, хотя это прозвучало у неё скорее как всхлип.

– Мисс Мэдиган сказала мне, что ты лучшая читательница в клубе книголюбов, – наморщил лоб офицер О’Мэлли и наклонился ещё ближе к Марии.

Мария взглянула на лежащую перед ней на столе книгу и придвинула её ближе к себе. Ей очень нравился клуб книголюбов, вот только она никак не могла понять, каким образом из-за этого клуба у неё могли возникнуть такие неприятности с мисс Мэдиган.

– Она говорит, что ты бываешь здесь каждый день, причём одна, без сопровождения опекуна, – сказал офицер О’Мэлли.

– Мама обучает меня на дому, – быстро ответила Мария. – И она доверяет мне, позволяя заниматься одной, без присмотра...

– Мне уже сказали, что она обучает тебя на дому, – перебил её полисмен.

Из-за его спины выглянула мисс Мэдиган со стопкой книг в руках. Ей бы нужно было идти расставлять эти книги по полкам, но она не двигалась, стояла неподвижно, нахмурилась брови, отчего у неё на переносице появились резкие морщинки.

– Мисс Мэдиган рассказала мне также, что давала тебе бланк на разрешение от твоих родителей, – добавил офицер О’Мэлли.

– Разрешение? – переспросила Мария, удивлённо хлопая ресницами.

Ну да, ей смутно помнилась какая-то бумажка, которую она недели две назад сразу же выбросила в урну для мусора, едва выйдя из библиотеки. Её мать всё равно ничего не стала бы подписывать. «Не оставлять никаких следов!» – это был один из её нерушимых принципов.

– Разрешение, разрешение. Его должен был подписать твой опекун, чтобы твоя фотография могла появиться рядом с заметкой о прочитанной книге, которую ты написала для библиотечного информационного стенда, – полисмен кивком головы указал на застеклённый стенд у входа. Рядом с заметкой Марии вместо её фотографии белел пустой прямоугольник. – Ты что, не отдала бланк своей матери?

– Нет, – коротко ответила Мария, уставившись на лежавшую перед ней книгу. Сейчас она думала только о том, как ей улизнуть отсюда, иначе всё может закончиться тем, что эта шпионка и предательница мисс Мэдиган своими стараниями упечёт её мать за решётку.

– Забыла отдать ей бланк? – продолжал допытываться офицер О'Мэлли.

– Нет, просто не люблю, когда меня фотографируют, – покачала головой Мария и добавила, немного подумав: – Наверное, у меня боязнь камер.

Теперь уже офицер О'Мэлли помолчал, пожевал свою нижнюю губу, потом сказал:

– Мы пытались дозвониться твоей матери по тому номеру, который указан в твоём библиотечном формуляре, но нам никто ни разу не ответил. Такое впечатление, что этот телефон отключён.

– В моём формуляре записан домашний телефон, – уверенно, с некоторой долей возмущения даже ответила Мария. – А теперь моя мама купила себе мобильник, а городскую линию отключила.

Мария слегка задрала голову, чтобы посмотреть на мисс Мэдиган. Та по-прежнему стояла за спиной полисмена и явно нервничала, то и дело перекладывая свою стопку книг из руки в руку.

– Ну-ну, – тяжело вздохнул офицер О'Мэлли. – А номер её мобильного можешь мне продиктовать?

Этот номер копу никак нельзя было давать, Мария очень хорошо это понимала. Если он позвонит, то может обнаружить мошенничество, и тогда её мать сядет в тюрьму. Но если номер не дать, это покажется слишком подозрительным, полиция начнёт расследование, и конец окажется тем же самым. Коп даже к ним в дом может заявиться, а уж это, сами понимаете, вообще крест поставит на их семейном бизнесе.

Моментально приняв решение, Мария полезла в карман своих джинсов и, не обращая внимания на выпавшую библиотечную карточку и какую-то мелочь, вытащила слегка помятую визитную карточку, ту самую, которую она сделала для мистера Фокса.

– Вот здесь её рабочий телефон, – сказала Мария и добавила, не торопясь отдавать карточку полисмену: – Только стоит ли ей вообще звонить, если я сама не хочу фотографироваться?

Сейчас самой главной задачей Марии было сделать так, чтобы её рука не дрожала.

Офицер О'Мэлли взглянул на мисс Мэдиган и ответил, пожав плечами:

– Нет. Думаю, что не стоит.

Сердце в груди стучало так бешено, словно готово было выскочить наружу, но Мария сумела не показать своего волнения. Она медленно, как бы небрежно сунула визитную карточку назад в свой карман и спросила:

– Теперь я могу идти?

– Да, можешь, – ответил офицер О'Мэлли. – Ты свободна.

Мария схватила со стола свою книгу и спокойно – внешне спокойно, во всяком случае! – направилась к терминалу у выхода из библиотеки. Вытащила из своего кармана библиотечную карточку – при этом на пол снова вывалилось несколько мелких монеток и что-то ещё – затем отсканировала её, поднесла штрих-код на книге к загоревшемуся красным светом окошечку.

Терминал звякнул, давая знать, что взятая в библиотеке книга зарегистрирована. Теперь у Марии дрогнули нервы, и она почти бегом бросилась к дверям.

– Эй, ты что-то выронила! – крикнула ей вслед мисс Мэдиган, но Марии было уже всё равно. Она бежала из библиотеки, как бегут крысы с тонущего корабля, бежала и ни задерживаться, ни возвращаться не собиралась. Проходя через первую вращающуюся дверь, Мария чувствовала на себе взгляды копа и библиотekarши. С бешено бьющимся сердцем она проскочила через вторые двери и всей грудью вдохнула свежий воздух. Она была на свободе. Удачно проскочила по минному полю, не дала копу утопить себя в омуте каверзных вопросов.

* * *

Несколько дней спустя Мария шла по неровным плитам тротуара, приподнятым корнями росших вдоль него деревьев. На коричневых каменных стенах домов играли бордовые и оранжевые блики стоявшего в зените над их крышами солнца. Под ногами Марии хрустели сухие листья. Вытянув свою руку в сторону, Мария с удовольствием ударяла по звонким кованым прутьям окружавшего их дом металлического забора с воротами, не пропуская ни одной из них. Прутья звенели на разные голоса, и эти звуки складывались в причудливую мелодию. Подойдя к своему дому, Мария увидела, что шторы на окнах их квартиры плотно задёрнуты, и в одном из них горит, мигая и жужжа, неоновая надпись: «*Медиум*». Это был знак, говоривший о том, что мадам Фортуна в настоящий момент занята важным делом и просит её не беспокоить.

Мария присела на ступеньки высокого крыльца и вытащила одну из своих книг. Ей далеко уже не впервые приходилось вот так коротать время, дожидаясь, когда мать закончит свой спиритический сеанс. Прежде чем открыть книгу, Мария ненадолго прикрыла глаза и прислушалась. Перекрывая шелест ветерка в деревьях, с детской площадки поблизости доносились смех, визг, гулкие шлепки мяча, по шершавому тротуару скрежетали скейтборды, унося своих владельцев в сторону парка Форт-Грин. Мария провела пальцами по тиснёному названию на обложке своей книги – «*Из запутанных дел миссис Бэзил Э. Франквайлер*». Раскрыть её Мария не успела.

Ба-бах!

Голову Марии резко откинуло назад. Открыв глаза, она увидела покачивающийся у её ног красный резиновый мяч. Довольно тяжёлый, судя по силе удара.

– Ой, это я виноват! Я виноват, прости! – раздался тонкий голос, лёгкое шлёпанье ног и снова: – Мне очень жаль, что так вышло! Ты в порядке?

– Нет, я не в порядке, – тряхнула головой Мария. – Ты мне шишку набил своим мячом.

– Мне очень жаль, – произнёс, приближаясь к ней со стороны ворот, мальчишка. Тот самый, из библиотеки, в красной бейсболке. – Я не очень метко кидаю мяч, только ещё учусь. Но это ты сама уже поняла, наверное.

– Не знаю, какой ты меткий, не знаю, – проворчала Мария. – В меня-то ты очень хорошо попал.

– Да я не в тебя целился, вон в них хотел попасть, – он указал рукой на других мальчишек по ту сторону забора. – Просто направление ветра не учёл, наверное.

Он улыбнулся, показав широкую щель между передними верхними зубами, и добавил:

– Я Себастьян. А тебя как зовут?

– Мария.

– А в каком ты классе? – продолжал допытываться Себастьян. – Я в пятом. Правда, меня перевели выше через класс.

Он поправил съехавшие на кончик носа очки и ждал, что ему ответит Мария. Смотрел на неё снизу вверх, стоя возле крыльца.

– Кто в каком классе, меня не интересует, – пожала плечами Мария.

– Значит... это правда? То есть ты и есть та девчонка, которая живёт с этой... гадалкой? – спросил Себастьян и нервно облизнул губы.

Конечно же, Мария помнила о том, что ей запрещено отвечать на вопросы. На *любые* вопросы, *кто бы* их ни задавал. Если мать увидит, что она болтает с мальчишкой, хорошим это не закончится. Но, не успев ещё подумать об этом, она уже выпалила, сама не понимая, как это с ней случилось:

– Ага, так и есть. Просто это моя мама.

– А мы переехали сюда всего месяц назад. Живём прямо над вами, только вы на первом, а мы на верхнем этаже. Я часто вижу тебя в библиотеке, но играть во двор ты никогда не выходишь. Почему?

Ну вот, новые вопросы. Мария знала, что ей нужно запереть свой рот на замок, но ей хотелось, чтобы Себастьян ещё ненадолго остался рядом с ней, и она, пожав плечами, ответила ему:

– Да так. Дел у меня много.

– Каких дел? Связанных с медиун... меду... Ну, ты меня поняла.

Мария закатила глаза. Знал бы он хотя бы половину того, что представляют собой их «*медиун*»! Но уж об *этом* она точно должна молчать как рыба.

– А почему у вас в квартире постоянно торчит управляющий домами, мистер Фокс? К нам вот он никогда не заходит узнать, например, не течёт ли у нас кран или ещё что-нибудь... – продолжал сыпать вопросами Себастьян.

«Пожалуй, если дело так пойдёт, мы слишком далеко зайти можем», – подумала Мария и решила, что пора сворачивать разговор.

– Ты слишком много вопросов задаёшь, – сказала она, открывая свою книгу.

Себастьян опустил глаза, потыкал ногой в край вздыбившейся тротуарной плиты, но уходить от крыльца не спешил. Мария искоса поглядывала на него поверх раскрытой книги. Наконец Себастьян набрёл на нужную, как ему показалось, мысль и спросил:

– В мяч хочешь поиграть?

Мария отрицательно покачала головой, не поднимая её от книги, и ответила:

– Сегодня не хочу.

Сегодня! Ей не сегодня было запрещено играть с другими детьми, а *всегда!* Мать ужасно боялась, как бы кто-то что-то не прознал об их семейном бизнесе.

Мальчишки, стоявшие на улице, за воротами, окликнули Себастьяна, позвали к себе. Он прокашлялся и попросил Марию:

– Можешь кинуть мне мячик?

Мария подняла лежащий у неё возле ног мяч и бросила его Себастьяну. Вроде бы и несильно бросила, однако поймать его он не сумел, уронил.

– Боюсь, что ловлю мяч я так же плохо, как кидаю, – покраснел Себастьян, пытаясь скрыть своё смущение натянутым смехом.

– Я тоже, честно сказать, спортсменка та ещё, – улыбнулась Мария.

Себастьян подобрал с земли мяч и улыбнулся своей щербатой улыбкой.

Мария оглянулась посмотреть, не видит ли её мать, как она разговаривает с чужим мальчишкой, да ещё мяч ему кидает. Но окно их гостиной оставалось плотно занавешенным, тёмным. А Марии так хотелось побыть в компании других ребят – посмеяться вместе с ними, в мяч поиграть...

Себастьян всё ещё медлил, стоял, подбрасывал свой мяч.

«*Уходи же! Прошу тебя!*» – не поворачивая головы и крепко зажмурив глаза, мысленно просила Мария. Спустя несколько секунд раздались шаги Себастьяна, он побежал к поджидавшим его товарищам.

Только теперь Мария открыла глаза. Никто из ребят не обращал больше на неё внимания, все снова принялись играть. Она открыла свою книгу, но не могла сосредоточиться, ни строчки не могла прочесть.

Входная дверь их подъезда открылась, причём так резко, что Мария даже книгу свою выронила от неожиданности. Из двери показался мужчина средних лет. Мадам Фортуна раздвинула на своём окне шторы и сквозь мутное стекло взглянула на Марию. Затем неоновая вывеска перестала жужжать и погасла.

Вернувшаяся клиентка

На следующее утро Мария раздвинула тяжёлые шторы, и сквозь окна в душную гостиную хлынул солнечный свет. В его лучах плавали пылинки, медленно, словно снежинки, опускаясь на ломберный столик, покрытый пёстрой, в потёках застывшего свечного парафина, скатертью. Садилась пылинки и на два приставленных к столику складных стула, и на клетку Гудини, пол которой был усыпан кожурой от семечек, перьями и птичьим помётом.

Мария не понимала, почему мать никогда сама не чистит клетку – ведь это же, в конце концов, её попугай!

Мария вытащила Гудини из клетки, погладила его по головке, скормила ему несколько семян.

– Это ненадолго, – успокоила она попугая. – Пара минут, и я верну тебя в клетку. *Чистую.*

Она пересадила Гудини в сторонку, добавила нашатырного спирта в ведёрко с водой, закашлялась, вдохнув ненароком резкий, раздражающий запах. Затем вымела метёлкой из клетки весь мусор и принялась драить железной мочалкой прутья клетки, морщась от противного скрежета, с которым металл тёрся о металл.

Всё это Мария старалась проделать как можно быстрее, помня, как разъедает кожу на пальцах смесь воды с нашатырём. Прислушалась, желая услышать, о чём разговаривает с мистером Фоксом её мать в соседней комнате, но вместо этого услышала глухие удары за окном.

Блямс! Бумс! Шмякс!

Кто-то колотил мячом в стенку дома.

Мария бросила тряпку, метёлку и выглянула в окно. Сквозь рябое и мутное стекло увидела стоящего возле их крыльца Себастьяна в его неизменной красной бейсболке. Он неуклюже пинал резиновый мяч. Неуклюже, но очень старательно. Мария пригнулась и стала смотреть на него из-за птичьей клетки, сквозь её вертикальные прутья, но Себастьян каким-то образом догадался, что она видит его, – остановился, сверкнул щербатой улыбкой и приветственно помахал рукой.

Поддразнивал её? Или просто хотел поздороваться? Да кто ж его знает!

Скрипнули ворота в ограждающем дом заборе, Себастьян оглянулся, перестал бить по мячу и отошёл в сторонку, а к крыльцу уже направлялась миссис Фишер. Она ласково улыбнулась Себастьяну, проходя мимо него, и начала подниматься на крыльцо.

Мария очнулась, спохватилась, засуетилась.

Дззз! Дззз! – задребезжал дверной звонок.

Вдова вернулась, чтобы ещё раз поговорить со своим покойным мужем! Это значит – свистать всех наверх! Мария закинула на кухню ведёрко и метёлку.

Дззз! Дззз!

Ещё секунда, и Мария уже рухнула на матрас в своей кладовке. Захлопнула за собой дверь, прижала глаз к отверстию в решётке.

Раздались шаги, щёлкнул дверной замок.

– Какого чёрта... – раздражённо рявкнула мадам Фортуна, но, увидев, кто пришёл, моментально сменила тон. – О... я хотела сказать, что очень рада вас видеть, моя дорогая миссис Фишер. Прошу вас, заходите, добро пожаловать!

– Мадам Фортуна, – сказала миссис Фишер, – я вот всё думала о просьбе моего покойного мужа...

– Продолжайте, – кивнула мадам Фортуна, сложив на груди руки.

– *Пр-родолжайте! Пр-родолжайте!* – подхватил Гудини.

– И если вы не возражаете, хотела бы ещё раз поговорить с ним.

Мадам Фортуна сделала глубокомысленное лицо и ответила, поправляя тюрбан у себя на голове:

– Я знала, что вы опять придёте, я ждала вас. Проходите в гостиную, и я постараюсь вызвать дух вашего мужа.

Миссис Фишер на цыпочках вошла в прихожую и осторожно прикрыла за собою дверь.

В гостиной мадам Фортуна первым делом задёрнула плотные шторы, затем чиркнула спичкой, зажигая свечу, осветившую своим тёплым жёлтым светом лица обеих женщин. Всё это время мадам Фортуна передвигалась, пятясь назад, чтобы скрыть своей юбкой вентиляционную решётку в кладовке Марии.

Тук, тук, тук.

Это был сигнал, который подавала своей дочери мадам Фортуна, и означал он: «Внимание! Приступаем к работе!»

– Мистер Фишер где-то здесь, поблизости, я очень сильно чувствую его присутствие, – начала мадам Фортуна, после чего перешла на шёпот. – Присаживайтесь к столу.

Миссис Фишер опустилась на стул, а мадам Фортуна отправила Гудини в его клетку, хлопнула в ладоши и громко воскликнула, вскинув обе руки у себя над головой:

– Тишина! Мне необходима полная тишина, чтобы установить контакт с миром мёртвых!

Миссис Фишер закрыла глаза и испуганно замерла на своём стуле. В комнате стало совершенно тихо.

– Дух покойного Роберта Фишера, – низким замогильным голосом завела «ясновидящая». – Я вызываю тебя и прошу подойти к этому столу по просьбе твоей жены, желающей поговорить с тобой *один последний раз*.

В своей кладовке Мария почувствовала дуновение холодного ветерка, коснувшегося её затылка, и поняла, что это явился Эдвард.

– Ну, ты чего? Некогда мне сейчас, работать надо! – отмахнулась она, не отрываясь от решётки.

Дождалась, когда мистер Фокс начнёт стучать по трубам и издавать стоны, и быстро включила вентилятор.

Хотя Мария нырнула вниз, открывая дорогу струе воздуха из вентилятора, обдувавший её саму морозный ветерок не исчез, продолжал холодить лицо.

– Эдвард, ты что, не видишь, что я занята? – шепнула Мария, нащупывая, тем не менее, на полу бумагу и ручку. Было понятно, что Эдвард не отстанет, и, очевидно, хочет сказать ей что-то важное.

Бум!

Мария замерла.

Это, должно быть, стукнула о столик голова «впавшей в транс» мадам Фортуны. Мария моментально выключила вентилятор, схватила шариковую ручку, приложила её к бумаге и чуть слышно выдохнула.

– Ну, давай, говори. Только по-быстрому, ладно?

Эдвард медлить не стал и тут же принялся водить рукой Марии. Затем всё закончилось. Шариковая ручка вывалилась из пальцев Марии. Она открыла глаза и прочитала:

«Мэрилин даст твоей матери то, за чем она охотится.

А ты затем пойди вслед за вдовой в её дом и передай ей с глазу на глаз то, о чём я тебе говорил раньше».

Мария скомкала бумажный листок.

Ах, Эдвард! Зачем он велит ей следовать за совершенно незнакомой вдовой в её дом? Или ему неизвестно, что Мария никуда не может уйти, да ещё надолго, без ведома матери?

Но она обещала Эдварду помочь? Обещала. Знает она о том, что помочь вдове Фишер – значит поступить правильно? Знает. Да, задача, конечно же, непростая. Задача из тех, что грозят обернуться большими неприятностями, но всё же...

– Хорошо, Эдвард, – прошептала Мария. – Я... попытаюсь.

А в гостиной тем временем то грохотал, то завывал голос мадам Фортуны.

– Прощай, любовь моя! Я с нетерпением буду ждать, когда мы с тобой воссоединимся в другом, новом мире!

Звенели браслеты на запястьях «ясновидящей», клацали батареи центрального отопления, из глубины дома доносились замогильные стоны. Мария вновь включила вентилятор, дождалась, когда голова матери опять бухнется о столик, выключила поток воздуха и выглянула в отверстие решётки.

Миссис Фишер порылась в своей сумочке и протянула мадам Фортуне двадцатидолларовую бумажку. Фальшивая заклинательница духов проворно спрятала деньги к себе в декольте и раздвинула шторы. Гудини выбрался из своей незапертой клетки и взгромоздился на плечо хозяйки.

Вдова поднялась со своего стула и медленно направилась к двери.

– Ещё раз благодарю, – повторила она, с поклоном пожимая руку мадам Фортуны. – Скажите, Бруклинский молодёжный проект «Инициатива на завтра», это на углу Эверли стрит и Атлантик авеню? В какой это стороне отсюда?

– Идите налево, и попадёте прямо куда надо, – ответила мадам Фортуна, освобождая свою руку из пожатия миссис Фишер. Затем она проводила клиентку до порога и слегка подтолкнула её в спину на прощание. Входная дверь с грохотом захлопнулась за миссис Фишер.

Мария вскочила на ноги и накинула на плечи свою кенгурушку. Ей нужно было не упустить миссис Фишер, а значит, следовало поторопиться.

Мария сделала глубокий вдох и прошептала:

– Ну, Эдвард, теперь ты мой должник!

Она пинком открыла дверь кладовки, промчалась через материнскую спальню и дальше через гостиную, к двери.

– Это куда же ты собралась, а? – метнулась ей вслед мадам Фортуна, широко раскинув руки и став от этого похожей на огромного краба. – Что происходит, хотела бы я знать!

– Я свои книги в библиотеке забыла! – стиснув кулаки, крикнула в ответ Мария. – Я скоро!

И она так резво прибавила ходу, что «ясновидящая» запнулась, потеряла равновесие и отстала.

– В этом доме не бегают!.. Из этого дома не сбегают!.. – растерянно воскликнула мадам Фортуна, поправляя съехавший ей на глаза тюрбан.

Из квартиры Мария успела выскочить раньше, чем Гудини успел повторить у неё за спиной.

– *Не бегают! Не сбегают!*

Ещё как сбегают!

Выскочив из подъезда, Мария стрелой промчалась мимо играющей детворы.

– Эй, ты куда летишь как на пожар? – крикнул Себастьян. Он отделился от остальных мальчишек и бросился вдогонку Марии.

Мария ничего Себастьяну не ответила и даже не притормозила – не было у неё времени вести светские разговоры.

Она оглянулась по сторонам и, к своей радости, почти сразу увидела вдали знакомую фигурку миссис Фишер в развевающейся на ветру клетчатой накидке.

Погоня за вдовой

Кеды-конверсы Марии мягко пружинили по неровному тротуару, ловко уворачиваясь от лужиц и осколков битого стекла. Добежав до угла Атлантик авеню, она остановилась, чтобы перевести дыхание. Здесь проходила невидимая граница района, в котором жила Мария, дальше начиналась территория неизвестная, шумная, с сильным трафиком. В этих краях она ещё никогда не бывала.

Немного отдышавшись, Мария огляделась, ища глазами клетчатую накидку миссис Фишер.

«*Не могла же она просто взять и испариться, верно?*» – подумала Мария и в этот момент услышала за спиной знакомое шлёпанье ног по тротуару. Мария обернулась и действительно увидела его. Себастьяна.

– Куда это ты несёшься? – спросил он, вытирая пот со лба.

– А ты что гонишься за мной? Чего тебе надо? – вопросом на вопрос ответила Мария. Она понимала, что прозвучало это, мягко говоря, не слишком дружелюбно, но этот назойливый мальчишка мешал ей. Путаются такие вот под ногами, а потом из-за них важное дело провалить можно. Она снова повернулась к Себастьяну спиной и продолжила высматривать миссис Фишер.

И наконец увидела её.

Миссис Фишер стояла чуть дальше по улице напротив мрачного грязного строения. Старушка достала из сумочки визитную карточку и ещё раз сверилась с цифрами, прибитыми к двери. Никакой таблички ни на самой двери, ни рядом с нею не было. Затем, пожав плечами, она нажала кнопку дверного звонка. По соседству с этим унылым домом притулился гараж, около него стоял грузовичок, с которого рабочие сгружали какие-то коробки.

– Что ты забыла на этой Атлантик авеню? – спросил Себастьян. – Здесь же ничего нет...

– Тсс, – оборвала его Мария. – Ты всё мне испортишь.

И она затолкала бедного Себастьяна себе за спину.

Вскоре миссис Фишер надоело без толку нажимать звонок, и она принялась стучать в дверь своим кулачком. Тоже безрезультатно. Ещё раз пожав плечами, она отошла от двери, покрутила на пальце своё обручальное кольцо и не спеша отправилась прочь.

Мария осталась стоять на месте, наблюдала за всем, что происходит.

– Вы что-то ищете, мэм? – раздался голос со стороны гаража.

Миссис Фишер остановилась.

Из тёмного переулка появился мистер Фокс – красный, вспотевший, в непривычном для него слишком тесном костюме. Под воротником рубашки у него болтался ковбойский галстук-шнурок «боло» с большой бирюзовой застёжкой. Кончики шнура были неровными – один длиннее, другой намного короче, отчего казалось, что на шею мистера Фокса наброшена петля.

– Да, ищу, – надтреснутым голосом ответила миссис Фишер. – Мне нужен Бруклинский молодёжный...

– Вы попали по адресу, достопочтенная леди, – кивнул мистер Фокс. – Кстати, это не вы сюда звонили на днях?

– Э... да... я... – слегка опешила миссис Фишер. – Но позвольте. Гараж, коробки..., разве это *некоммерческая* организация?

– Самая что ни на есть некоммерческая и благотворительная, мэм, – поспешил успокоить её мистер Фокс, довольно настойчиво начиная подталкивать миссис Фишер ко входу в здание. – А это... – махнул он рукой в сторону гаража с грузовичком. – Не обращайтесь! Принимаем благотворительный груз. Он пойдёт на аукцион. Сбор средств в помощь детям.

Миссис Фишер с явным облегчением вздохнула, подняла руку, чтобы поправить свои волосы.

– Ну хорошо, а то я уж начала думать, что...

– О, у нас всё в рамках закона, миссис, всё в рамках закона. А вы... – фальшиво улыбнулся мистер Фокс, буквально заталкивая старушку в дом. – Вы тоже хотите пожертвовать нам что-нибудь на благотворительность?

Мария чувствовала, что Себастьян наблюдает за ней, и обернулась.

– Ты шпионишь за этой старой леди? – спросил он. Его голос почти утонул в шуме мчащихся по Атлантик авеню машин.

– Нет, конечно! – фальшиво возмутилась Мария. Затем она подбежала к ближайшему мусорному баку, выудила из него две брошенные туда газеты, оставила одну для себя, вторую сунула Себастьяну и скомандовала. – Живее. Прикройся и делай вид, что читаешь.

И сама тут же скрыла своё лицо за газетным листом.

– Шпионишь, – удовлетворённо кивнул Себастьян, разворачивая свою газету. Они немного помолчали, затем он спросил шёпотом: – А почему ты за ней шпионишь?

– Отстань, Себастьян!

– Хорошо, я тебя понял. А вообще мне было просто интересно посмотреть, чем ты занимаешься!

Он бросил свою газету обратно в мусорный бак, повернулся и пошёл назад, к своему кварталу.

От гаража отъехал опустевший грузовичок, и за ним показалась миссис Фишер. Она ещё немного постояла, недоумённо покрутила головой, а затем направилась по улице в сторону, противоположную той, где исчез из вида Себастьян.

Обручального кольца на пальце миссис Фишер уже не было.

Мария прижала газету почти к самому лицу, подождала, пока вдова отойдёт подальше, и только отпустив её вперёд почти на полквартала, двинулась следом за ней.

Вскоре старая леди свернула на шумную Фултон стрит, где было множество ресторанов, магазинов, прохожих с сумками и детьми в колясках, мимо которых приходилось лавировать Марии. Затем миссис Фишер дошла до входа в метро и начала спускаться по ступенькам.

А Мария остановилась.

Она крайне редко покидала пределы своего квартала, а на метро, честно говоря, вообще никогда не ездила. Что, если она потеряется в этом метро и не сможет вернуться назад? Мария зябко повела плечами, сделала глубокий вдох и отчаянно бросилась вперёд. Времени на раздумья и сомнения у неё просто не было, потому что ещё пара секунд промедления – и миссис Фишер будет для неё потеряна навсегда.

Усилием воли Мария заставила себя спуститься вниз, в подземный переход. Здесь сразу стало холоднее и подул ветерок.

Вдова остановилась, порылась у себя в сумочке, вытащила проездную карту, провела по прорези валидатора и прошла через турникет. У Марии такой карты, разумеется, не было, и денег на то, чтобы её купить, тоже. Повернуть назад, убедив себя в том, что столкнулась с непреодолимыми трудностями? Но она же дала обещание Эдварду!

Мария подождала, пока вдова Фишер отойдёт дальше, к ступеням, ведущим вниз, на платформу, и сама подошла к турникету. Он доходил Марии почти до груди – при желании перепрыгнуть можно.

Мария стрельнула глазами по сторонам. Рядом никого не было.

«Давай», – приказала она себе, отлично понимая, что рискует при этом, хотя рисковать ужасно не любила.

Глубоко вдохнув, Мария оперлась руками о боковые металлические стойки турникета, высоко вскинула ноги, перенесла их, а потом и всю себя через прозрачные дверцы, и благо-

получно приземлилась уже на станции. Выпрямилась, восстановила равновесие и помчалась вслед за вдовой.

Со ступенек на платформу Мария скатилась как раз в одно время с подкатившим к станции поездом. Успела влететь в дверь, схватилась за поручень, сдунула упавшую на лицо прядь волос. Двери закрылись, поезд дёрнулся и покатил вперёд, набирая скорость. В метро Мария ехала впервые в жизни и потому испытывала странные чувства – страх, смешанный с восторгом. А может, смешанный со страхом восторг. Наверное, скорее второе, потому что Марии ужасно нравилось куда-то нестись с головокружительной скоростью, но ещё больше – быть при этом свободной, как птица, вырвавшаяся из клетки. То есть из своей душной тесной кладовки, о которой и вспоминать-то не хотелось. Немного обвыкнув, Мария принялась разыскивать глазами знакомую клетчатую накидку и белые как снег волосы.

Белой как снег оказалась кенгурушка с надвинутым на голову капюшоном на одном из подростков. Не то, не то. Клетчатая ткань? Нет, это свитер клетчатый на каком-то пожилом мужчине. Красная бейсболка? В ней кто-то сидит и читает газету. Мимо.

И тут она увидела миссис Фишер. Вдова рассматривала свою морщинистую, казавшуюся ей чужой без обручального кольца руку, потирала опустевший палец, на котором столько лет было это кольцо.

К восторженному возбуждению, которое продолжала испытывать Мария, стало примешиваться чувство вины, ей было немного стыдно за то, что она принимала участие в мошенничестве, лишившем миссис Фишер её обручального кольца. Оставалось лишь надеяться на то, что ей удастся загладить свою вину, когда она отыщет спрятанное в доме вдовы сокровище. Вот только не нравилось Марии то, что миссис Фишер, оказывается, так далеко живёт. Ну очень далеко!

Поезд проезжал одну станцию за другой. «Лафайет», «Хойт», «Джей стрит». Перебрался по туннелю под рекой Ист Ривер в Манхэттен. В вагоне освободились места, но Мария осталась стоять, не в силах оторваться от окна.

На Четвёртой Западной улице поезд снова наполнили пассажиры. Мария взглянула на сиденье, которое занимала миссис Фишер.

Вдова исчезла! Совершенно неожиданно исчезла! Мария ринулась к закрывающейся двери, в последний момент выскочила на перрон. Здесь было полно народу. Люди толкались, натыкались друг на друга, не в силах оторваться от своих смартфонов, ничего не слыша в наушниках. Возле установленной в центре зала карты толпились туристы с сумками и камерами. Громко постукивая своей белой тростью, мимо Марии прошёл слепой в чёрных очках. Где-то в конце платформы кто-то бил в маленькие, но ужасно громкие барабанчики-бонги.

Мария протолкалась сквозь этот ад до ведущей наверх, к выходу, лестнице, и буквально в последний момент успела заметить белые волосы и знакомую клетчатую накидку.

Мария бросилась вдогонку, удачно избежала столкновения с какой-то татуированной с ног до головы девицей с розовыми волосами, обогнула на полном ходу семейство туристов в одинаковых футболках с надписью «Я люблю Нью-Йорк» и выбежала в серые октябрьские сумерки.

Слегка испугалась, почувствовав, как задрожал асфальт у неё под ногами от проходившего под землёй поезда метро.

Вжжжжж! Остановился почти прямо перед Марией подъехавший к остановке автобус.

Бип! Бип! Би-бип! Сигналили таксисты, зазывая пассажиров.

Да уж, чего-чего, а шума на Манхэттене не в пример больше, чем на спокойных улочках Бруклина, где жила Мария. О тишине в библиотеке вообще промолчим, даже вспоминать не станем.

И люди. Очень, очень много людей. Так много, что даже страшно становится.

Вот сквозь этот кошмар и пробиралась Мария следом за миссис Фишер, а вокруг то и дело раздавались такие вопли, будто кто-то только что забил решающий гол в финальном матче. Оранжевый сигнал на переходе («Стоять!») сменился белым («Иди!»), и толпа повалила на другую сторону Шестой авеню. Где-то впереди в этом диком стаде то появлялась, то вновь исчезала белая голова миссис Фишер. Когда саму Марию вынесло на другой берег улицы, она успела заметить, что вдова удаляется влево, в сторону узкой тихой улочки, полукругом уходящей в сторону от столпотворения на сумасшедшей Шестой. Там миссис Фишер остановилась перед самым обычным кирпичным городским домом с облупившейся на двери краской и стала рыться в своей сумочке в поисках ключей.

Мария приблизилась, прокашлялась и сказала, осторожно потянув вдову за краешек клетчатой накидки.

– Прошу прощения. Вы миссис Фишер?

Вдова медленно повернулась, удивлённо посмотрела на Марию и ответила:

– Да.

– Я... У меня сообщение для вас.

– Правда? От кого же? – слегка улыбнувшись, спросила миссис Фишер.

– От вашего покойного мужа, – негромко, чтобы не ошеломить вдову, ответила Мария. –

Могу я поговорить...

Нет, не ошеломить её не удалось.

– От кого, прости, у тебя сообщение? – отпрянула назад вдова.

– Не сердитесь на меня, пожалуйста, – сказала Мария. – Меня послал...

– Мой муж? – миссис Фишер расправила свои худенькие плечики, что позволило ей стать немного выше Марии. Совсем немного. – Кто ты и откуда ты знаешь...

– Роберт Фишер, – перебила её Мария. – Он просил меня связаться с вами и для начала сказать буквально следующее: «Вспомни серебристый свет Луны и медовый месяц в июне».

Миссис Фишер медленно поднесла руку к сердцу.

– О боже, – прошептала она и снова съёжилась, став вровень с Марией.

– Я не хотела вас встревожить, – добавила Мария, – но он просил меня помочь вам.

– Ничего, ничего... я... – миссис Фишер посмотрела вверх, на небо, поправила очки и, наконец, после довольно долгой паузы спросила: – Как тебя зовут?

– Мария.

– Не хочешь ли зайти ко мне выпить чаю, Мария? – спросила миссис Фишер.

Мария молча кивнула в ответ.

Вдова нашла в сумочке ключи, повозилась немного с замком, а затем входная дверь медленно, со скрипом отворилась, миссис Фишер с Марией вдвоём вошли в дом и начали подниматься на второй этаж.

Исчезнувшая эпоха

Через тёмную прихожую Мария прошла в квартиру миссис Фишер. Здесь сильно пахло пылью, нафталиновыми шариками от моли, цветочными духами и пудрой. У Марии даже защищало в носу от этих запахов, и она решила, что не станет задерживаться у вдовы дольше чем на пять минут. Передаст ей всё, что просил Эдвард, и домой, домой.

Легкие шаги миссис Фишер прошелестели где-то впереди, затем зашумели раздвигаемые шторы, и стало светло.

Мария заморгала, удивлённо оглядываясь по сторонам.

Боже мой, чего тут только не было! всю гостиную миссис Фишер от пола до потолка заполняли картины, фотографии в рамочках, какие-то памятные вещицы, статуэтки, маски, безделушки и книги, книги...

Если оклеенные некрологами стены материнской спальни всегда напоминали Марии кладбище, то стены этой гостиной отражали во всех её проявлениях жизнь миссис Фишер.

Из-под ног Марии стрелой метнулся чёрный кот и скрылся в приоткрытой двери ванной комнаты, выбросив при этом в коридор пригоршню опилок из своего туалетного лотка.

Прямо возле двери гостиной висела большая цветная фотография. С неё улыбалась молодая женщина в чёрной водолазке, которую обнимал за плечи невысокий лысеющий мужчина в больших роговых очках. На другой фотографии та же пара сидела в компании других взрослых людей за столиком кафе, и все они весело улыбались.

«Это, должно быть, мистер и миссис Фишер», – подумала Мария.

Ей просто не верилось, что милостивая, беззаботная женщина с коротко стриженными светлыми волосами на фотографиях – это миссис Фишер. Сколько же лет ей на этих снимках? А сколько *сейчас* ей лет?

Ещё одна фотография, на которой миссис Фишер с цветочным веночком на голове поднимает на пикнике бокал в честь своих гостей, одетых в странные, кажущиеся сейчас забавными костюмы.

Так, а это кто? На картине изображён синий, улыбающийся Марии мужчина, почти голый и почему-то с четырьмя руками.

– Это мой Шива! – мелодичным голосом пояснила миссис Фишер, перехватив удивлённый взгляд Марии. – Индийский бог. Он присматривает за моим домом, когда меня нет. Присаживайся на диван!

И вдова, указав на диван рукой, защёлкала своими каблучками, выходя из комнаты.

А вот Мария медлила, раздумывала, не уйти ли ей прямо сейчас. Если присесть на диван, вдова примется долго и нудно рассказывать о своей одинокой жизни – тоска! И домой давно уже пора. Но с другой стороны, Мария обещала Эдварду, что поможет миссис Фишер с поисками спрятанного у неё в доме сокровища. Для этого она многое уже сделала, один последний шаг остался...

И, легонько проводя кончиками пальцев то по фотографии в рамочке, то по наконецникам развешанных по стенам стрел, то по краешку какой-нибудь греческой вазы, Мария двинулась к дивану.

В комнате было светло от падающих сквозь большие окна лучей клонящегося к закату солнца. У одной стены стояло пианино, на его крышке и прямо на полу рядом с вращающимся стульчиком громоздились пачки нот.

«Вдова музыкант, наверное», – решила Мария.

Со всех сторон на неё смотрели пустые глаза странных, висящих на всех стенах масок, и от их взглядов Марии сделалось как-то не по себе. Затаив дыхание, она рассматривала эти украшенные бусами и перьями маски – раньше она видела их только на картинках в книгах,

знала, что их называют племенными масками. Эти маски из Африки, там у каждого племени своя маска.

Между масками на стенах висели ещё фотографии и картины. В дальнем углу комнаты вытянулся большой, длиной метра два с половиной, обеденный стол – очевидно, эта гостиная была одновременно и столовой тоже. Сейчас почти весь этот стол был завален книгами – это говорило о том, что миссис Фишер любит читать. При виде книг Мария почувствовала себя увереннее и спокойнее, от них это место сразу стало каким-то... не таким чужим, что ли.

Едва Мария опустилась на диван, как в комнату возвратилась миссис Фишер с подносом, на котором лежал длинный тонкий батон (французский багет называются такие батоны), маслёнка и нож для масла с закруглённым концом. Поднос она поставила на стоявший перед диваном сундучок, который заменял собой кофейный столик, и сказала:

– Вот багет и масло. Если проголодалась, угощайся, пожалуйста. Честно говоря, гостей у меня давно уже не бывает, так что в доме из еды ничего больше нет, к сожалению, – в этот момент на кухне засвистел чайник, и вдова добавила, улыбнувшись: – А вот и чай подоспел!

И она вновь вышла из комнаты – заваривать чай, очевидно.

Мария задумчиво смотрела на багет и масло. Если она начнёт есть, то ей придётся задержаться здесь на какое-то время. Из вежливости хотя бы придётся.

У неё громко заурчало в животе.

Знала Мария, конечно же знала, что не стоит, нельзя принимать угощение от незнакомых людей, но всё же не удержалась. Отломил кусочек багета, намазала его маслом. Впились зубами в хрустящую корочку, под которой таился ароматный воздушный мякиш. Как же сильно этот багет с маслом отличался – в лучшую сторону, разумеется! – от чипсов, вяленой говядины «Биф Джерки» и шоколадных батончиков «Динь-Дон», которыми ей приходилось питаться изо дня в день.

Короче говоря, Мария даже не заметила, как проглотила этот кусочек багета. Она немедленно отломил новый кусок, намазала маслом... потом ещё, ещё...

Хлеб был восхитительным.

Вскоре послышался скрип колёсиков, и миссис Фишер вкатила в гостиную столик на колёсиках, на котором стояли две чашки с блюдцами и фарфоровый чайник. Вдова налила Марии чаю, а сама открыла шкаф и принялась перебирать стоявшие там квадратные конверты из плотной бумаги. Выбрала один, вытащила из него чёрный диск с яркой круглой этикеткой в центре и осторожно опустила его на какой-то плоский ящик с резиновым диском и какими-то рычажками, кнопками...

Щёлкнула рычажком – зажглась маленькая зелёная лампочка. Затем повернула торчащую сбоку пластмассовую лапку с иголочкой на конце и поднесла к начавшему крутиться чёрному диску.

– Видела когда-нибудь такое? – спросила миссис Фишер, опуская иголку на краешек диска.

– Нет, – ответила Мария. – А что это?

– Проигрыватель для винила и пластинка.

В динамике проигрывателя что-то зашипело, защёлкало, потом прорезались барабаны бонго, к ним добавился контрабас, рояль, и возникла мелодия. Нежно вздохнули скрипки, и на их фоне запел голос:

– *В парке темно, лишь сквозь ветви деревьев льёт свой серебряный свет Луна...*

Голос был каким-то странным, словно доходившим издалека, но при этом оставался мягким и нежным, словно летний ветерок.

– Эта запись удачнее, чем та, что сделала Дорис Дей. Была такая очень модная певица когда-то. Но в танцевальных залах и на радио не хотели отдавать предпочтение какой-то никому не известной девчонке, – с улыбкой заметила миссис Фишер и отхлебнула из своей чашки.

– *Для любимого моего я пою эту нежную песню. Медовый месяц (месяц, медовый месяц) пусть сияет нам весь июнь...* – продолжал петь сладкий голос под низкий рокот контрабаса и переливы звонких барабанчиков.

– А я и была такой никому не известной девчонкой из Бруклина. Мне было всего девятнадцать лет, на дворе стоял 1959 год, а Нью-Йорк... О, Нью-Йорк был тогда сказочным местом!

И тут Мария поняла. На пластинке пела миссис Фишер.

«Сколько же лет с той поры прошло? – мысленно пыталась сосчитать Мария. – И сколько же сейчас лет миссис Фишер?»

Да, это была совершенно другая, давным-давно ушедшая эпоха. Прошрое столетие. Нет, прошлое *тысячелетие* уже! С ума сойти! Но какая же старая она, миссис Фишер!

– О том, что я пою, мой отец узнал, прочитав рецензию в газете, – продолжала миссис Фишер. – Ох и разозлился же он тогда!

Она подлила чаю себе, предложила подлить Марии.

– Но быть в центре внимания огромного зала, видеть в темноте силуэты зрителей... чувствовать за спиной музыкантов, ощущать тяжесть микрофона в своей руке, слышать свой собственный, многократно усиленный динамиками голос – это было для меня верхом блаженства. Я словно переносилась в другой мир... Счастье. Да, это было именно счастье, – вдова прикрыла глаза и обхватила рукой воображаемый микрофон.

Мария поставила на столик свою чашку и решила, что пора перейти к делу, за которым она, собственно, и пришла сюда.

– Значит, сообщение, которое меня просили вам передать, было песней, которую вы пели когда-то? – спросила Мария.

– Это была *наша* песня, – не спеша открывать глаза, ответила миссис Фишер. – До того, как мы поженились, он был завсегдатаем клуба «Авангард», где я тогда выступала. Если я почему-то не пела «Серебряную Луну», он подходил и просил её исполнить. Вскоре я стала петь её только для него одного, все остальные посетителя клуба для меня в это время просто переставали существовать. И вот однажды вечером он подошёл ко мне и пригласил на свидание, – она задумчиво покачала головой и сделала ещё глоток чая.

– А потом вы... поженились, да?

– Ага. Через некоторое время, – кивнула миссис Фишер. – Точнее, после того, как Роберт скопил достаточно денег, чтобы купить эту квартиру и привести её в порядок. У Робби хватило здравого смысла не арендовать, а именно купить это место, только поэтому меня до сих пор не выселяют отсюда. А вообще-то здесь во времена сухого закона была подпольная забегаловка, где отводили душу любители спиртного. Так что... – добавила она, наливая себе ещё чаю, – как только ты произнесла эти строчки, я сразу поняла, что ты... *действительно* разговаривала с Робертом. Кто, кроме него, мог помнить эту песню, а тем более знать, что она *наша* с ним! Но что мы всё обо мне да обо мне? Теперь ты о себе расскажи. Кто ты? Знаю ли я твоих родителей?

Но Мария приехала сюда не для того, чтобы о своей семье рассказывать. И не для того, чтобы выслушивать истории миссис Фишер о её былой семейной жизни. Она пришла затем, чтобы помочь вдове отыскать спрятанное у неё в доме сокровище, верно? Мария оторвала ещё кусочек хлеба и принялась жевать.

Ку-ку! Ку-ку!

Из окошечка в верхней части часов с кукушкой высунулась деревянная птичка, прокуковала, а затем снова спряталась за дверцей. Пять часов. Мария понимала, что ей пора потопрапливаться. Мать уже, наверное, нервничает и сердится, гадает, куда это запропастилась её дочь. И Мария, набрав воздуха в грудь, приступила к делу.

– Мистер Фишер просил меня помочь вам найти спрятанное в вашем доме сокровище, – не переставая жевать, выпалила Мария, совершенно забыв о том, что неприлично говорить с набитым ртом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.